

ХРАМ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
СПОРИТЕЛЬНИЦА ХАБЕВ
ГОРОД ЩЕЯКОВО

№ 434

3 марта 2019 г.

Не пища представит нас перед Богом. Если мы не едим – мы ничего не теряем, и если едим – ничего не приобретаем (1Кор. 8:8)

Апостол Павел уделяет значительное место такому вопросу, который, на первый взгляд, кажется не имеющим отношение к нашим дням. Вопрос был таким: Имеет ли право христианин есть мясо, приносимое в жертву языческим божествам? В те времена и при обычаях, царивших в языческом мире, этот вопрос фактически означал: Имеет ли право христианин есть мясо вообще? Нам такой вопрос кажется странным. Но в ранней Церкви он стоял очень остро. Недаром он обсуждается не только в Послании к Коринфянам, но также и в Послании к Римлянам, и в Книге Деяний святых Апостолов.

В таком городе как Коринф христианам трудно было избежать соприкосновения с языческими жертвенными культурами. Чисто, так сказать, светского заклания или резания животных античность не знала. Эти действия всегда были связаны с языческими обрядами. Человек почти неизбежно вступал в контакт с жертвенными культурами в самых разных ситуациях: покупает ли он мясные товары на рынке, участвует ли в семейных или профессиональных торжествах, которые часто совершались в языческих храмах, принимает ли частное приглашение в гости... Избежать участия в социальной жизни было очень трудно, особенно если человек занимал публичную должность или принадлежал к высшему кругу общества. Но большинство христиан принадлежало к низшим слоям, и тогда для них мясная пища вообще была малодоступной по причине нехватки средств. Тем более таких людей привлекали народные угощения, обычные в публичные праздники, когда народу раздавали мясную пищу. А она непременно была «идоложертвенной». В общем, в Коринфе вопрос о мясе был очень спорным. Что должен был делать христианин? Имел ли он право есть мясо, которое так или иначе было связано с жертвоприношением тому или иному языческому богу? Если для нас эта проблема представляет лишь исторический интерес, то для христиан Коринфа или любого древнегреческого города, она в значительной степени определяла всю жизнь и требовала решения.

Впрочем, если серьезно задуматься, и для нас поднятая апостолом проблема остается актуальной. Конечно, сегодня она не сводится к вопросу о той или иной пище. Вопрос на самом деле имеет более общий характер и встает перед верующим в любой исторической ситуации: В какой степени христианин может уподобляться своему нехристианскому окружению,

принимать привычные для этого окружения обычаи, и когда он должен оказывать сопротивление и отстраняться? – Как же этот вопрос разрешает апостол Павел?

«Мы – люди грамотные», «мы обладаем знанием», – таким был лозунг свободомыслящих, либерально настроенных членов Коринфской церкви. Эти люди считали, что стоят выше всех этих ничтожных бытовых проблем. Апостол Павел противопоставляет такому либеральному «знанию» любовь: только любовь возвышает, только она созидательна, способствует сплоченности, прочности здания Церкви. «Знающие» смотрели свысока на других, на тех, кто все еще был подвержен колебаниям, сомнениям, представлениям о чистом и нечистом, всему тому, что «знающие» давно оставили позади себя. Таких христиан они пренебрежительно называли «немошными». «слабыми». А себя, соответственно, они называли «сильными». Апостол категорически утверждает, что такой вид знания действует негативно и деструктивно: «Знание надмевает», – пишет он, – а любовь назидает». «Надмевает», – буквально по-русски «раздувает», – подходящий образ для внутренней пустоты такой позиции. Те из коринфян, которые в своей напыщенной, чрезмерной самооценке хвалятся своим «знанием», на самом деле мало что понимают и знают. Они грешат против своих братьев, а тем самым и против Христа. Истинно «назидает», – буквально по-русски «созидает», – только любовь во Христе. Только она конструктивна. Она строит Церковь, а горделивое «знание» ее разрушает.

Боязливые, «слабые» коринфские христиане внутренне еще не смогли отделиться от своего языческого прошлого, и все еще придавали языческому жертвенному мясу религиозное значение. Напротив, некоторые «сильные» демонстративно принимали участие в культовых трапезах, принимая приглашения на праздники в языческих храмах. Не исключено, что таким путем они хотели сделать для «слабых» что-то хорошее, желая помочь им рассеять их сомнения. Они хотели своим примером «возвысить» немощных братьев, поднять их над их «незнанием». Иногда под искусительным влиянием более свободных в этом отношении братьев колеблющаяся совесть «слабых» умолкала, и они по примеру «сильных» позволяли себе есть мясную пищу. Однако потом, когда их совесть снова подавала свой голос, они чувствовали себя оскверненными и страдали от этого. И получалось так, что «сильные» своим небрежным поведением подталкивали «слабых» к падению в собственных глазах, ставили их в опасное положение

действовать против убеждений своей слабостью, шаткой совестью. Как пишет апостол, «сильные» «били» по совести «слабых», сбивали ее с толку. Наивно полагая, что они подают пример настоящей свободы и своимвольным поведением «возвышают», совершенствуют сознание и совесть своих «слабых» братьев, «сильные», – как указывает апостол, – не возвышали, а унижали братьев, принуждая их испытывать угрызения совести, чувствовать себя осквернившимися, согрешившими.

Да, «сильные» правы: сама по себе пища не прибавляет нам достоинства и не убавляет его. Да, «не пища представит нас перед Богом», но наши дела. Но так – только в отвлеченно-богословском отношении. В конкретной же ситуации, возникшей в Коринфе, именно дела «знающих» приводили к плачевным последствиям. Демонстративно выставляемое напоказ «знание», идущее не от любви, а от бесцеремонности, угрожало спасению «слабого» собрата, за которого пожертвовал Своей жизнью Христос. Апостол Павел использует аргумент из самой сердцевины христианской веры. Кто не понимает, не чувствует этого, тот грешит против Христа. Поэтому если пища становится косвенной причиной соблазна, «не буду есть мяса вовек», – с подчеркнутой резкостью пишет апостол, – не буду делать ничего, что может привести другого к падению, даже если я сам по себе имею право это делать. С предельной серьезностью Павел указывает на свое апостольское право так мыслить, так поступать и так учить.

Из прочитанного отрывка мы заключаем, что, во-первых, наше знание всегда ограничено. Во-вторых, собственную психологию и собственный опыт ни в коем случае нельзя без рассуждений переносить на психологию и опыт других людей. И если человек этого не понимает, то он жестоко ошибается, и его «знание» лишено главного качества – делать правильные выводы для отношений с другими людьми. Такое «знание» не только бесплодно, но и вредно.

Наконец, самое главное: Свобода без ответственности, диктуемой любовью во Христе, грозит выродиться в произвол и насилие, даже при внешне благих намерениях. В этом большой урок для всех нас в нашем повседневном поведении. Христианство – религия не Закона, но свободы. Однако истинная свобода, – о чем неустанно повторяет апостол, – возможна только в благодати Святого Духа. Дух же есть Дух любви, которая по определению не может существовать без свободного сознания долга перед ближним, без ответственности за его духовное благо.

Арх. Ианнуарий (Ивлиев)

ОТПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ОТ СОЮЗА ЖИЗНИ ЛЮБВИ С БОГОМ

Священное Писание открывает нам, что для первозданных людей были насажены Богом на земле, кроме обычных деревьев, «дерево жизни... и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:9). Причем Бог велел не вкушать плодов знания (см. Быт. 2:17), но поддерживать в себе Богом данную жизнь, т.е. деятельно развивать в себе дарования любви. Согласно Божественному Откровению (см. Быт. 3:1–4), дьявол прежде всего возбудил в Еве любознательность и самонадеянность, а потом, обещанием уподобления человека Богу, возбудил в ней самолюбие.

Сознание себя как самостоятельного и самодостаточного существа, способного достичь чего-либо без Бога, честолюбие и самолюбие в дьяволе появились и воспитались почестями, воздаваемыми ему со стороны подчиненных ему низших духов. Пробудив в человеке те же чувства, сатана склонил и его к отпадению от Бога. Сознание своего значения в Еве возникло из-за лукавого сочувствия к словам дьявола, сказавшего: «Правда ли, что Бог запретил вам вкушать все плоды райских деревьев?» (Ср. Быт. 3:1). Этим сатана заставил Еву подумать о своих личных интересах и об их отношении к Богу. Честолюбие и самолюбие возбуждено в ней клеветой на Бога, Который будто не желает, чтобы люди обоготворились и сделали равными Ему.

Потому-то Ева согласилась вкусить плода, запрещенного Богом, а затем к тому же склонила и преданного ей Адама.

Таким образом, из первоначального самосознания, открывшего прародителям наготу их, породилось честолюбие и самолюбие, омрачившее сердца первозданных людей и заставившее их замкнуться и стремление жизни направить лишь на себя.

Итак, то же самолюбие, которое было причиной отпадения от единства жизни с Богом Ангела Денницы, послужило причиной отпадения и человека от союза любви и единства жизни с Богом.

Но в силу двойственности природы человека (т.к. человек и материален, и духовен) отпадение его от Божественной жизни любви совершилось не полностью, не безвозвратно, в отличие от падения духов. Ибо до грехопадения своего человек жил любовью продолжительное время и тем сроднил с любовью свою естественную жизнь, тогда как самолюбие было привнесено извне и не было свойственно человеческому духу. Однако, даже будучи внешним, оно сильно заразило человеческую природу и стало вытеснять из сердца человека Божественные свойства духа. Самолюбие стало вселяться в него и овладевать всеми его стремлениями, проявляясь в совершении зла. Таким образом, Церковь Бога Живого превращалась в селение самолюбивого духа, начавшего борьбу с Божественной любовью в сердце человека, который должен был непрестанно бодрствовать и бдительно сохранять ее в себе.

Как известно, Господь поручил человеку возделывать рай (см. Быт. 2:15), т.е.

возбуждать в себе деятельность и развивать силу для сопротивления духу злобы и борьбы с ним, и тем охранять свой рай – блаженство. Но человек не исполнил этой обязанности, ослабил бдительность над собой и пал. Пал потому, что увлекся любознательностью, а жизнь свою, т.е. деятельную любовь, остановил. Со стороны человека требовалась большая внимательность к себе, что дьявол имел возможность вращаться около людей и одним появлением своим в виде змия и соблазнительной речью мог запечатлеть грех в памяти, в силу чувствительнейшей восприимчивости их сердца.

Но вот, несмотря на постоянное напоминание (в виде древа жизни и познания) человеку о счастье в жизни и об опасности познания, Ева, а за ней и Адам, уклонились от жизни в смерть, от любви в самолюбие, служение самим себе. Адам вкусил запрещенного плода по предложению жены своей и жизнь заменил самолюбием и стремлением к познанию.

С этого момента начался величайший переворот в жизни не только человека, но и всего мира: жизнь любви заменилась жизнью самолюбия и служение Богу заменилось служением себе.

Вместо жизни в человеческий род вошла смерть, ибо сказано было человеку: «В тот же день, когда вкусите запрещенного плода, смертью умрете» (см. Быт. 2:17).

И действительно, в тот же день умер Адам в своем уме, который был причастен божественному свету, и облекся во мрак чувственности. Умер в своей воле, умер в сердце, которое упало с небесной высоты любви и блаженства. Умер в своей деятельности, которая стала производить только «мертвые дела» (Евр. 9:14).

Смерть же есть, как выше сказано, «отлучение от жизни Бога Слова, отчуждение от света, состояние мрака, скорби, беспоконья, немощи, нечистоты, тления», по словам свт. Филарета Московского.

Таким образом, дьявольское самолюбие из жизни духовного мира перешло в жизнь человеческую и как там, так и здесь расстроило счастливую и блаженную

жизнь любви, принеся телесному и духовному человеку смерть плоти и духа.

Отпавший от Божественной жизни человек стал удаляться от Бога и даже прекращать доступ Божественной жизни в сердце свое, увлекаясь чувственностью и угождением своим плотским страстям, чему усиленно содействовал дьявол.

Дело дошло до того, что допотопное человечество почти всецело утратило всякое понятие о Боге и Его жизни, а равно и о своей обязанности служить Ему, начав служить только себе. Между Богом и человеком произошло разъединение жизни, ибо человек сам себя посчитал богом и стал служить себе самому. От самолюбия человеческого начало появляться в жизни разное зло: так, сын первозданной четы, самолюбец Каин, убил брата своего Авеля, исполненного любви, – убил только из самолюбивой зависти.

Здесь необходимо сказать об отношениях, возникших между Богом и человеком, отпавшим от Божественной жизни любви. Бог остался в Своей любви к падшему человеку неизменным, постоянно стремящимся возвратить человека в единство жизни с Собой и вселится в сердце его. Но сам человек изменился в отношении к Богу: он устремил все внимание, всю любовь на свою плоть и требования ее, а через то утратил и восприимчивость к влиянию на него Божественной жизни.

После грехопадения человека Сам Бог пошел за ним, взывая: «Адам, где ты?» (Быт. 3:9) – и желая восстановить с ним союз любви. Но Адам стал глух ко гласу Божию и невосприимчив к жизни Его; он уже укрепился в самолюбии и не только не возвращался к жизни, но стал даже обвинять Самого Бога в своем падении, говоря: «Жена, которую Ты мне дал», соблазнила меня (Быт. 3:12). Адам вину свою возлагал всецело на нее. Адамово самолюбие защищалось, обвиняя Бога и Еву.

Бог, начав призывать первозданного, призывает и потомство его к покаянию и возобновлению союза жизни до настоящего времени. Но самолюбие покорило себе человека и ослепило его ум. При этом обратил внимание на то, как быстро оно развивалось и проявлялось в жизни человека, погашая и умерщвляя в нем жизнь Божественной любви.

Уже тотчас после падения Адама оно грубо заговорило в нем: «Я не виноват: это Тобой данная жена соблазнила меня», – сказал он Богу.

Даже сама психофизическая природа людей быстро изменилась, ибо они, созданные по образу и по подобию Божию, после отпадения своего от Бога, стали рождать детей уже по подобию своему – т.е. не с жизнью любви, но с жизнью самолюбивой, все стремления свои направившей на самих себя, с жизнью извращенной, а потому страдальческой и приносящей им смерть.

Вот первый пример самолюбия, проявившийся в жизни первенца Адамова, Каина: завистливый и самолюбивый, он убил кроткого Авеля, младшего брата сво-

его, и при том грубо, подобно отцу своему Адаму, оправдывался перед Богом: «Разве я сторож брату своему?» (Быт. 4:9).

Итак, со времени отпадения человека от Божественной жизни любви образ Божий стал в нем омрачаться и жизнь любви угасать. Самолюбие же усиливалось и быстро развивалось; все естество человеческое стало грубеть и терять свою восприимчивость к духовным влияниям и впечатлениям. С того времени человек стал чувствителен только к голосу своей плоти и страстей ее. Сердце челове-

ское лишилось свободы воспринимать и деятельно отражать в жизни Божественную любовь, ибо рабство самолюбию утесняло его, обременяло своими требованиями и самый ум омрачало; человек перестал видеть Бога, а потому лишился радости и блаженства в жизни своей. Вместо этого томление духа и страдания стали изнурять его.

Таким образом, Церковь Бога живого, т.е. человечество, стала оскудевать любовью Божественной и духовно умирать в самолюбии и зле, служа лишь своим

плотским страстям. Князем мира сего и владыкой жизни человеческой становился дух самолюбия – дьявол. Человек сам не имел никакой возможности исправить свою роковую ошибку и восстать от своего падения, ибо яд самолюбия извратил жизнь его природы и отвратил сердце его от Бога. А потому только Сам Бог мог обновить человеческую природу Своей собственной чистой жизнью и тем восстановить его единство с Собой.

*Священномученик
Александр Миропольский*

ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ ПЕСНОПЕНИЙ

Скажем теперь несколько слов об инструментальном исполнении церковных песнопений, о том, как относилась к нему древняя церковь. В эпоху, современную началу христианской церкви, существовало два приема исполнения. чисто, голосовое, вокальное, и исполнение .голосовое, сопровождаемое инструментальной музыкой. Культ древнего мира употреблял оба эти способа в одинаковой степени. и кому известно, с какими церемониями и при какой обстановке происходили игры и религиозные праздники древних греков, тот хорошо поймет участие инструментально-музыкального элемента в культовой практике древнего мира. Еврейское богослужение также сопровождалось музыкой. Древнехристианская церковь, предъявившая сильное сомнение против ваяния и отчасти живописи, смотрела еще более подозрительно на употребление при богослужении музыки. Церковные учителя говорили, что в ветхозаветной церкви дозволялось сопровождать пение игрою на музыкальных инструментах из снисхождения к беспечности, малодушии и духовной немощи иудеев, и что Бог хотел этим дозволением возбудить их чувственный ум к более живой и энергической деятельности. В Апостольских Постановлениях инструментальная игра прямо относится к предметам, запрещенным для всякого христианина, и воспрещается преподавать таинство крещения игрокам на скрипке, арфе и лире. Таким образом, исполнение лирических произведений было вокальным. «Мы употребляем один орган- слово», говорил Тертуллиан: «словом, а не псалтирю, трубою тимпанов и флейтою, чтим мы Бога». Орган человеческого слова по своему физическому устройству, действительно, представляет один из совершеннейших инструментов. Хотя человеческий голос далеко не обнимает пространства всех актов, исполняемых струнным инструментом, но в целом он способен образовать многоголосную гармонию с самыми богатыми и изящными созвучиями. Кроме того человеческий голос естественнее, живее и, так сказать, субъективнее выражает внутреннее состояние души и служить проводником ее движений. и.) силу этих преимуществ голосовое исполнение или пение было общепринято в древней церкви. Только

в начале средних веков, и то на западе, возникла в церковное употребление инструментальная музыка, и в церквях появляются органы. По согласному свидетельству анналистов, первый орган, известный на западе, был получен Пипином в подарок от греческого императора Константина Копронима и был, по всей вероятности, домашним инструментом, какие употреблялись в Константинополе. По образцу другого большого органа, присланного из Византии Карлу Великому, этот последний приказал устроить такой же для Ахенской церкви, и с тех пор органы распространяются по церквям западным: особенно известными они делаются с XIII – XIV века, когда техническая сторона этого инструмента получила значительные усовершенствования. Ко временам Тридентского собора употребление органов в церковной практике уже столь укоренилось и было до такой степени популярным, что члены его, рассуждавшие о церковной дисциплине, ничего не сказали против органа, но канонически, так сказать, освятили его употребление, запретив в то же время употребление в церкви всяких других инструментов. Это показывает, что кроме органа были и другие музыкальные орудия, служившие аккомпанементом

пения. Но это разнообразие инструментальной музыки – дело уже значительно позднее, чем употребление в церковной практике органа, Фома Аквинат в свое время говорил, что церковь не допускает музыкальных инструментов, каковы цитра и псалтирь, чтобы не показаться иудействующею, но впоследствии этому правилу изменили. Вместе с распространением фигуральной музыки, которая допускала многоголосные партии, изысканные модуляции и самые прихотливые мелодические мотивы, и отчасти под влиянием оперной музыки, опиравшейся на те же церковные мотивы, музыкальный аккомпанемент получил более сложную постановку, и кроме органа пение сопровождалось скрипками, трубами и литаврами. Самая конструкция органа изменилась приспособительно к этому условно. В XV веке стали присоединять к органу механические части, исполнявшие разного рода подражательные звуки. Ангелы появлялись с трубами, трубили в них и били в литавры; петух, взмахивая крыльями, кричал кукареку; птицы оглашали воздух своим криком и щебетанием. И доселе на западе при торжественных службах участвует в исполнении мелодии целый оркестр из духовых и струнных инструментов.– В греческой церкви инструментальная музыка никогда не имела места при богослужении; но это положение не абсолютное, и были случаи, когда инструментальная музыка допускалась. Так из Кодина можно заключать, что при торжественных церемониях, как, например, при коронации императора, также во время царских выходов пение хора сопровождалось аккомпанементом инструментальной музыки. Из византийских тоже писателей известно, что после многолетия, провозглашенного царю в день Рождества пред окончанием литургии, то же самое повторяли разного рода музыкальные орудия: resonantibus organus, puae varia sunt, или; organa satis multo prostepunt, или: organis genuo ad modicum tempus resonantibus. Но эти случаи не выходят из ряда исключительных и имели, кажется, место только в придворных церквях и при домашних церемониях византийского двора, но в общецерковную практику инструментальное пение не вошло.

Профессор А. П. Голубцов

Расписание богослужений с 4 по 10 марта 2019 г.

4 марта Понедельник	Ап. от 70-ти Архиппа	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
5 марта Вторник	Прп. Льва, еп. Катанского	8:30 Утренняя. Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Александр/</i>
6 марта Среда	Прп. Тимофея, иже в Символах	
7 марта Четверг	ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ БЛЖ. МАТРОНЫ МОСКОВСКОЙ	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i>
8 марта Пятница	Сщмч. Поликарпа, еп. Смирнского	
9 марта Суббота	ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ ОБРЕТЕНИЕ ГЛАВЫ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ	8:30 Утренняя (полиелей). Часы. Исповедь. Литургия <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
10 марта Воскресенье	ВОСПОМИНАНИЕ АДАМОВА ИЗГНАНИЯ. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	7:45 Молебен с акафистом. 8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия <i>/все священнослужители/</i> 17:00 Вечерняя. Чин прощения <i>/все священнослужители/</i>

(СВ. ФЕОФАН ЗАГВОРНИК

ЗНАЧЕНИЕ СМЕРТИ

«**Б**ог смерти не сотвори» (Прем.1:13); она вошла в мир через грех. Бог сказал прародителям нашим, что если они преступят заповедь, то умрут. Преступили, и умерли; смерть тотчас вступила в силу. Что умерли они душою, это тогда же обнаружилось в их покушении скрыться от Бога, в прикрывании греха и сваливании его на другого (Быт.2:17, 3:12–13), а что не умерли тотчас же телесно, то это вследствие благодати, определенной нам от века. Благодать эта вошла в план миробития. Ангелы пали и оставлены в падении по крайнему упорству их во зле и богопротивлении. Если бы все они пали, то это звено выпало бы из цепи творения и система миробития расстроилась бы. Но так как пали не все, а только часть их, то звено это осталось, и гармония мира пребывает нерушимо. Человек создан один с женою, чтобы породить все количество лиц, имевших составлять человеческое звено в системе миробития. Когда он пал, звено это выпало, и мир терял свой строй. А так как звено это необходимо в строе мира, то надлежало или, предав смерти, как было определено, падших, создать новых родоначальников, или доставить этим надежный способ восстановления в первый чин. Поелику падение совершилось не вследствие, так сказать, неудачности первого творения, а потому, что тварная свобода, особенно же свобода духа, физически соединенного с телом, совмещала в себе возможность падения, то, начав повторять творение, пришлось бы, может быть, повторять его без конца. Потому-то премудрость Божия, водимая беспредельною благодатию, судила лучше устроить падшим способ восстания.

В устроении этого способа первое место должно было занять исполнение приговора вечной правды: "смертию умреши" (Быт.2:17); надлежало произойти смерти,

равносильной смерти всех людей, чтобы в силу ее все уже считались умершими, уплатившими долг смерти, и чрез то получили право и оживали надеждою на жизнь. Для сего Сын Божий и Бог имел принять на Себя естество человеческое, со всеми немощами, кроме греха, и умереть сим естеством. Смерть эта, как смерть Бога во плоти, должна была иметь беспредельную цену и всеобъятность, и, как смерть невинная, могла быть вменяема другим под довлеющими условиями. В этом и состоит благодать, определенная нам от века. Определение это вошло в план миробития и, где нужно, являлось действующим в промыслительной силе, но исполнению его в действительности назначено свое время. На половине шестой тысячи лет от падения пришел Сын Божий, воплотился и умер на кресте. Бог умер естеством человеческим и в этой единой смерти действительно совместил смерти всех людей. Один умер – все умерли. Созерцая это, апостол и взывает: «любовь Христова обдержит нас, суждших сие» (2Кор.5:14).

Но если все умерли, то, значит, смерть уничтожена? Да, уничтожена. Бог, умерши естеством человеческим, разрушил смерть (2Тим.1:10), ибо в третий день воскрес с человечеством прославленным и с того момента пребывает уже в этом воскресении. Человечество уже вкусило от славы и величия воскресения. Если когда один умер – все умерли, то и когда один воскрес – все воскресли. Сила воскресения Христова действительно такова, что в нем лежит основание воскресения всех. Сила эта переходит на каждого не вменением, а вкушена будет самым делом; каждый вкусит ее и воскреснет. Но на это определено свое время. Как было свое время для явления во плоти Сына Божия, чтоб умереть в ней и воскреснуть, так определено свое время для воскресения, и все вкусят его. Когда это совершится, тогда сбудется написанное: «Где ти, смерти, жало? Пожертва смерть победою» (1Кор.15:54–55).

Но чтобы воскреснуть, надо умереть, а чтобы умереть, надо родиться насмерт-

ным. Так и положено, чтобы прародители наши не тотчас по падении умерли, а остались жить на время как насмертные, чтоб и родять насмертных. Отсюда в порядок миробития вошел период смертности и тления как путь к нетленной и бессмертной жизни. Рождаются люди насмертными каждый особо, но воскреснуть в нетлении положено всем людям вместе, чтобы все вдруг явились в предопределенной им славе. Ангелы сотворены все вместе, а люди явятся все вместе уже по воскресении. Так как люди не все вдруг являются на свет, а рождаются, как кому определяет всеправящая премудрость Божия, то каждый, умирая как насмертный, должен ждать общего воскресения. Отсюда, для каждого неизбежен период существования в разлучении с телом, в чаянии воскресения. Если посмотрим совне, то увидим на земле царствующими смерть и тление; если же приникнем мыслью в сокровенности бытия, то увидим души человеческие, живущие в несметном числе, как определил им Бог, в чаянии соединения с воскресшими, нетленными телами. Они воздыхают, «в жилище... небесное облещися желающе» (2Кор.5:2). Это неполная человеческая жизнь. Живя в теле, мы не можем понять, в чем состоит собственно оскудение, или умаление жизни без тела, но оно должно быть и есть, как открыто было апостолу, который потому и сказал: «не хотим совлещися, но пооблещися» (2Кор.5:4). Скорбность этого лишения поглощается любовью, ибо всем известно, что такой образ бытия и учрежден, и длится для того, чтоб народились все, имеющие быть причастниками воскресения в нетлении. Закон самоотвержения проникает все степени человеческого существования. Хотя то воскресение еще ожидается только, но оно так несомненно, что как будто уже совершилось. Все причащаются упованием воскресения так, как бы уже воскресли. Пусть его нет еще, но оно уже наше.